

12. Goethe J. W. Gedichte. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1969. – 236 S.
13. Lessing G. E. Werke. – In 5 Baden.- Berlin: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar. – Bd. 1-5.

Сидоренко Е. Н. «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ТРАНСФОРМАЦИОЛОГИИ «HUMAN FACTOR» IN TRANSFORMATIONOLOGY

Традиционная лингвистика длительное время изучала Язык человека, и лишь во II половине XX века в ней стала активно исследоваться роль Человека в языке, определяться степень антропоцентричности языка и формы её проявления. Одно из ранних обращений к данной проблеме отражено в работе Л. В. Щербы: «Я же зову лю б и т ь, н а б л ю д а т ь и и з у ч а т ь ч е л о в е к а, обнаруживающего свои переживания (между прочим и человека, пишущего книгу), и ч е л о в е к а, понимающего внешние знаки этих переживаний, в о о б щ е ч е л о в е к а, как е д и н ственного истинного носителя языка как выразительного средства» [1].

В конце XX века проблеме антропоцентризма в языке были посвящены специальные сборники: Роль человеческого фактора: Язык и картина мира. – 1988; Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991; Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991; Принцип антропоцентризма в современной лингвистике. – Алматы, 1997 и др.

При создании теории антропоцентризма внимание учёных было прежде всего обращено на лексику. И это не случайно: только человек разграничивает злаки и сорняки по их значимости для сельского хозяйства, хотя те и другие могут принадлежать к одному семейству (по существующей научной классификации). Субъективное восприятие окружающего мира отражено и в именах существительных *близость, отдалённость* и т. п., если с их помощью характеризуется расположение какого-либо предмета по отношению к говорящему (для природы такое деление безразлично). Возможно проявление антропоцентризма у имён прилагательных, наречий, глаголов и т. д. «Важно ещё раз подчеркнуть, что здесь мы имеем р а з л и ч н о е о с о з н а н и е предметов действительности человеком: ведь сами по себе предметы не являются ни близкими, ни далёкими, ни видимыми, ни невидимыми, ни известными, ни неизвестными – они о с о з н а ю т с я такими в результате чувственной деятельности самого Человека» [2]. Большой интерес с точки зрения теории антропоцентризма представляют собой местоимения (в широком понимании термина). Они особенно чётко «работают» в системе координат «я – сейчас – сюда». Речь идёт прежде всего об указательных прономинативах. Человек осознал пространство и время как формы существования материи и определил свои позиции в зависимости от своего пребывания в определённой ситуации. Поэтому основным фактором выбора нужного указательного местоимения следует считать экстралингвистический. Интралингвистические факторы «работают» в том случае, если возникает необходимость выбора одного из синонимичных местоимений (типа *здесь – тут*) или прономинативов с закреплённой анафорической (*это, поэтому* и под.) и катафорической функцией (*то, потому, оттого* и под.). О проявлении антропоцентризма в этом случае можно говорить лишь условно (более подробно об антропоцентризме местоимений см. [3]). Таким образом, антропоцентризм проявляется не только в лексике, но и в морфологии. Следует согласиться с Р. А. Будаговым, который писал: «В самом языке всегда имеется много “человеческого”. И это “человеческое”, столь очевидное, например, в лексике и стилистике, обнаруживает себя и в других сферах языка, в самой степени его исторического развития, в его различных и бесконечно многообразных выразительных возможностях» [4].

Цель настоящей статьи – рассмотреть специфику антропоцентризма в фактах, представленных трансформациологией. Трансформациологией вслед за В. Н. Мигириным мы называем раздел морфологии, изучающий процессы переходности в области частей речи и контаминантов, а также результаты этих процессов – функциональные омонимы. Определим некоторые лингвистические термины.

Часть речи мы квалифицируем как лексико-грамматический класс слов с набором индивидуальных дифференциальных признаков. Соответственно к частям речи относим имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, безлично-предикативное слово, модальное слово, предлог, частицу и междометие. **Контаминант** – это гибридный лексико-грамматический класс слов с набором некоторых дифференциальных признаков двух частей речи одновременно; при этом некоторые из них могут быть представлены в трансформированном виде. К контаминантам мы относим причастия (вербально-адъективный контаминант); деепричастия (вербально-адвербиальный контаминант), местоименно-союзные контаминанты (так называемые относительные местоимения – в морфологии, союзные слова – в синтаксисе), нумерально-субстантивные контаминанты (слова типа *нуль, тысяча, миллион* и под.) и др. **Переходность (диахронная трансформация)** – это способность слова в процессе развития переходить из одной части речи (или контаминанта) в другую часть речи (или контаминант). Результатом такого перехода является образование **функциональных омонимов**, включающих исходное слово и трансформант. Их антропоцентрический характер и является предметом изучения в данной статье.

Каждая часть речи обладает своим **иммиграционным потенциалом** – совокупностью трансформантов, в роли которых выступают функциональные омонимы, образованные путём перехода из других частей речи. Известно, что имена существительные пополняются за счёт перехода из имён прилагательных и причастий, имена прилагательные, в свою очередь, – за счёт причастий и т. д. (подробнее об этом см. [5]). Одной из задач исследователя является попытка определить, как проходят эти процессы, какие факторы способствуют диахронной трансформации и какие тормозят его, каков объём иммиграционного потенциала каждой части речи, в чём его специфика. Это, в свою очередь, позволит выявить роль человеческого фактора в трансформациологии.

Основной причиной возникновения функциональных омонимов является, по нашему мнению, компенсация недостаточности соответствующих ономазиологических единиц в современном русском языке. Это замечание в первую очередь следует отнести к служебной лексике. Приведём примеры.

Первообразных предлогов в современном русском языке сравнительно немного: *к, у, в, на, за, из, от* и под. Они удобны с точки зрения затрат физиологической энергии, так как состоят преимущественно из одного слога. Но они не удобны с точки зрения их использования, так как их многозначность требует больших затрат внимания при

осмыслении и оценке контекста. В то же время усложняющаяся структура знаний о мире, дифференциация отношений требуют выражения тончайших оттенков мысли. В связи с этим появилась нужда в новых предложениях, отражающих сложившуюся ситуацию. Выражая свои коммуникативные намерения и реализуя свободу выбора, говорящий преодолевает, если это необходимо, стандартные формы. Он вводит новые предлоги-трансформанты, выступающие в качестве функциональных омонимов по отношению к исходным словам – частям речи, от которых они отпочковались. У предлогов в качестве исходных частей речи выступают чаще всего наречия и имена существительные. Предполагаем, что причиной этого является способность предлогов в сочетании с именами чаще всего передавать обстоятельственные отношения. Другими словами, в числе причин перехода в предлоги можно назвать наличие у исходной формы и трансформанта своеобразных «семантических мостиков», то есть способность наречия и предложного сочетания имени (существительного или местоимения) передавать одинаковые отношения; ср.: *остановиться вблизи* – *остановиться вблизи реки*, *живёт напротив* – *живёт напротив университета*. При этом говорящий может выражать различные оттенки мысли. Например, отсубстантивные предлоги в сочетании с именами могут обозначать путь, область, отношение, случай и т. п., которые имеют место в реализации конкретных фактов; ср.: *по пути повышения цен*, *в области лингвистики*, *в отношении неуспевающих*, *в случае успешной сдачи экзамена* и т. д. Отнаречные предлоги способны отразить самые разные стороны передаваемых отношений: *разместить внутри*, *вне стога*, *пройти мимо*, *около дома* и т. п. Назовём некоторые из предлогов, образованных путём перехода из наречий: *вблизи*, *вдоль*, *внутри*, *внутрь*, *возле*, *вокруг*, *впереди*, *мимо*, *наверх*, *наверху*, *навстречу*, *накануне*, *напротив*, *около*, *относительно*, *поверх*, *позади*, *поперёк*, *после*, *посредине*, *прежде*, *против*, *раньше*, *сбоку*, *свыше*, *сзади*, *снаружи*, *соответственно* и др. Простое их перечисление позволяет показать многообразие оттенков, передаваемых предложными трансформантами. Естественно, в речи они конкурируют с первообразными предлогами; при их выборе коммуникант оценивает степень точности передаваемых отношений, компактность передачи мысли, стилистическую уместность и другие факторы. Так, возможны варианты: *остановиться около реки* – *остановиться у реки*. Но в случае отсутствия в данном языке соответствующего первообразного предлога в качестве «компенсатора» используется трансформант: *пройти мимо машины*, *обойти вокруг фонтана* и т. д.

Производные предлоги могут отличаться и по стилистической нагрузке. Например, предлоги субстантивного происхождения *в силу*, *в целях*, *по вопросу* и под. часто употребляются в научной, публицистической и деловой речи.

Таким образом, разнообразная семантика производного предлога позволяет компенсировать недостаточность первообразных предлогов в русском языке, способствует его обогащению.

Рассмотрим ещё один аспект проблемы антропоцентризма в системе функциональных омонимов. Объектом исследования будут служить знаменательные трансформанты – субстантиваты, образованные путём перехода слов из имён прилагательных и причастий в имена существительные.

Количество субстантиватов, имеющих однокоренные суффиксальные образования, в русском языке сравнительно невелико и включает в себя, как правило, названия лиц: *арестованный* – *арестант*, *беглый* – *беглец*, *бедный* – *бедняк*, *белый* – *беляк*, *беспризорный* – *беспризорник*, *богатый* – *богач*, *вожатый* – *вожак*, *знакомый* – *знакомец*, *конвойный* – *конвоир*, *малолетний* – *малолетка*, *малый* – *малец*, *мудрый* – *мудрец* и под. Нетрудно заметить, что отношения между субстантиватом и однокоренным суффиксальным образованием неодинаковы у разных слов: у многих из них появляется семантическая добавка (ср.: *вожатый* – *вожак*, *бедный* – *бедняк*) или определённая коннотация (*богатый* – *богатея*, *малый* – *малец*). В. М. Никитевич справедливо отмечает, что в суффиксальном образовании «присутствует экспрессия словообразовательной конденсации, которая, в частности, выражается в эмоционально-оценочных и стилистических значениях, влияющих на выбор конкурирующей формы» [6]. В коммуникативном акте происходит отбор синонима с учётом требований определённого контекста. Так, в паре *знакомый* – *знакомец* более предпочтительным является субстантиват в силу устаревания суффиксального образования. Значительно уменьшилось в последние десятилетия употребление суффиксального существительного *малолетка* по причине утраты прежнего значения и усиления негативной эмоциональной окрашенности.

На выбор субстантивата или однокоренного суффиксального существительного влияет расхождение в лексическом значении слова; ср.: *вожатый* и *вожак*. «Словарь русского языка» у имени существительного *вожак* выделяет следующие значения: 1) тот, кто водит, ведёт кого-л., помогая идти; поводырь; 2) тот, кто идёт впереди, указывая дорогу, прокладывая путь; проводник; 3) тот, кто увлекает за собой других, побуждая к деятельности. Соответственно слово *вожатый* представлено следующими значениями: 1) то же, что и *вожак* (в 1 и 2 значениях); 2) руководитель пионерского отряда или дружины в школе, детском доме; 3) вагоновожатый [7].

При совпадении лексического значения и отсутствии коннотативных наслоений выбор между синонимичным субстантиватом и суффиксальным существительным свободен и определяется пожеланием коммуниканта (ср. *лесничий* и *лесник*).

Стилистически различаются однокоренные субстантиваты и синонимы с суффиксами –н(я), –льн(я), –лк(а): *кофейная* – *кофейня*, *слесарная* – *слесарня*, *караульная* – *караулка* и под. Данные суффиксы придают слову стилистически сниженный, разговорный характер.

Большое количество субстантиватов не имеет однокоренных суффиксальных образований и является основным названием того или иного понятия. К ним относятся названия лиц по характерному для них признаку (*больной*, *бездомный*, *лысый*, *взрослый* и т. п.), по предмету или явлению, к которому оно имеет отношение (*рулевой*, *военный*, *звеньевой*, *партийный* и т. д.), названия животных (*серый* – о волке, *косой* – о зайце, *косолапый* – о медведе), названия помещений по лицу, для которых они предназначены (*дистетчерская*, *парикмахерская*, *учительская* и т. д.). Мы привели лишь некоторые примеры; количество лексических групп значительно больше, они охватывают широкий круг значений. Для многих из них характерна синонимия с ономазиологическими единицами расчленённого типа, прежде всего – с особыми словосочетаниями, эквивалентными по значению; ср.: *купчая* – *купчая бумага*, *жидкое* – *жидкое блюдо*, *премиальные* – *премиальные деньги*. Приведенные факты показывают, что субстантиваты функционируют в языке равноправно с ядерными существительными, обладают одинаковыми

механизмами номинации, разнообразят речь (при семантической тождественности и стилистической однородности) или вносят коннотативные добавки, что делает их конкурентоспособными в условиях выбора наиболее точного ономаσιологического средства в условиях определённого коммуникативного акта.

Подведём некоторые итоги. Трансформанты, образовавшиеся путём перехода слов из одной части речи (или контаминанта) в другую часть речи (или контаминант), представляют собой часть общей системы и с точки зрения антропоцентризма проявляют прежде всего те же качества, которые имеют все части речи. Кроме того, антропоцентризм реализуется в трансформантах и в двух других направлениях: в законах переходности, связанных с потребностями в именовании каких-либо фактов и физиологическими возможностями человека; в выборе конкурентоспособных ономаσιологических единиц, стоящих в одном ряду с трансформантами. Изучение этого аспекта способствует осмыслению прошлого, пониманию настоящего и прогнозированию будущего важнейшего феномена – языка.

Литература

1. Щерба Л. В. О задачах лингвистики // Вопр. языкознания. – 1962. – №2. – С. 98.
2. Штелинг Д. Язык как часть человека // Рус. яз. за рубежом. – 1972. – С. 79.
3. Сидоренко Е. Н. Антропоцентризм местоимений: некоторые теоретические проблемы // Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: Межвуз. сб. научн. тр. – Алматы, 1997. – С. 68-75.
4. Будагов Р. А. Человек и его язык. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – С.107.
5. Сидоренко Е. Н., Сидоренко И.Я. Учебный толково-грамматический словарь функциональных омонимов. В двух частях. – Ч.1: Диахронная трансформация и функциональная омонимия (теоретический материал). – Симферополь: Крымучпедгиз, 2006. – 112 с.
6. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – С. 125.
7. Словарь русского языка. В четырёх томах. – М.: Рус. яз., 1981. – Т.1. – С. 195.

Сироткина Т. А. КОГНИТИВНАЯ ЭТНОНИМИКА

Образ человека в языковой картине мира – это «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [1, с. 8].

Одной из ипостасей образа человека является человек этнический. Основным способом актуализации данной ипостаси являются этнонимы – названия людей по этнической принадлежности. «Наличие этнонима... как у всего исторически возникшего сообщества людей, так и у какой-то его части (субэтноса) служит проявлением самоидентификации людей и принадлежности их к конкретной общности. При этом этнонимы есть результат реально существующих этноинтегрирующих и этнодифференцирующих факторов и причины их возникновения находятся в прошлом» [2, с. 104].

Обычно определение людьми на уровне обыденного сознания своей принадлежности к тому или иному этносу выражается в выборе ими такого внешнего признака, как наименование. Само наличие такого наименования – этнонима – свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей. Для каждого из таких единств, больших и малых, наименование является фактором, объединяющим внутри и различающим вовне.

Этнонимия давно является предметом исследования ученых-ономастов.

Хорошо исследовано происхождение этнических имен [3], их семантика [4], функционирование в текстах художественной литературы [5]. Однако до сих пор нет работ, связанных с проблемами когнитивного анализа этнонимов, проблемами рассмотрения их через призму языковой картины мира.

Хотя когнитивный подход к единицам ономастической системы языка не является новым, нельзя согласиться с мнением исследователей, представление которых о когнитивной топонимике, например, основывается «на том, что она выполняет прежде всего номинативную функцию» [6, с. 5].

Как представляется, когнитивный подход в рассмотрении фактов языка будет связан прежде всего в проблемами языка и сознания, способами языковой категоризации действительности.

При анализе категории этничности нельзя обойти вниманием и достижения современной этнопсихоллингвистики, которая «рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихоллингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации» [7, с.10].

Неотъемлемой частью исследования этнонимии должно являться описание концепта «этнос», поскольку «концепт как единица когнитивная находится в диалектической взаимосвязи со значением – категорией семантической. Отличаясь степенью структурированности своего содержания (концепт менее структурирован) концепт и значение обнаруживают общий для них полевой принцип изоморфной организации, что и позволяет рассматривать семантику языкового знака как источник концептуальной информации» [8, с. 91].

«Образование категории тесно связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых она строится» [9, с. 46]. В рамках рассматриваемой нами категории таким концептом выступает концепт “этнос”, являющийся одним из основных в концептосфере “человек”.

“Этнос – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре” [10, с. 422].

В более широком смысле этнос – сложная многопризнаковая семиотическая система ассоциативно-иерархического многоуровневого типа. К факторам, формирующим этнос как целостную систему, относятся биосфера, ландшафт, климат, антропологический тип, язык, самоназвание, наличие самосознания, тип религии, тип брака, отношение к соседям, отношение соседей, тип этнонимии, тип топонимии, степень развитости культуры и т.д. [11, с. 47].